

ЛИ ЛИНЬСУН

*Магистр, аспирант
ИФ СПбГУ*

УДК 130.2

ИНСТИТУТЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ (НА ПРИМЕРЕ БУДДИЙСКОГО ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА ДУНЛИНЬ)

Настоящая статья представляет собой анализ институтов сохранения культурной памяти в современном Китае. Автором отмечена роль ЮНЕСКО и Китайского правительства в совместных усилиях сохранения памятников культуры и способствованию устойчивому развитию, одним из факторов которого является передача знаний, традиций, моральных норм и устоев будущим поколениям. Особое место в статье уделено храму Дунлинь, который является символом китайского буддизма и поистине настоящим памятником китайской культуры, а также усилиям государства по сохранению культурной и религиозной памяти в современном Китае.

Ключевые слова: Китай, буддизм, культурная память, институты, Дунлинь, храмы, защита, государство, культура, общества, наследие, история, религия, политика.

LI LINSUNG

*M.A., Postgraduate student
Phil. Institute. SPbSU*

INSTITUTIONS FOR THE PRESERVATION OF CULTURAL MEMORY IN MODERN CHINA (ON THE EXAMPLE OF THE DONGLIN BUDDHIST TEMPLE COMPLEX)

The article represents an analysis of both legal and cultural institutions for preserving cultural memory in modern China. The author notes the role of UNESCO and the Chinese government in joint efforts to preserve cultural monuments and promote sustainable development, one of the factors of which is the transfer of knowledge, traditions, moral norms and principles to future generations. Special attention is paid to the Donglin tem-

ple, which is a symbol of Chinese Buddhism and a true monument of Chinese culture, as well as to state's efforts to preserve cultural and religious memory in modern China.

Keywords: China, Buddhism, cultural memory, institutions, Donglin, temples, protection, state, culture, societies, heritage, history, religion, politics.

В свете доминирующих экономико-ориентированных способов сохранения культурного наследия охрана окружающей среды и памятников культуры рассматриваются не как конечные цели, а как средства обеспечения культурного развития. Однако такой подход к пониманию устойчивого развития является неадекватным. Развитие означает эволюцию или прогресс, а его устойчивость — это постоянный, равномерный процесс. Поэтому устойчивое развитие в первую очередь связано с долгосрочным развитием, равноправием и справедливостью между поколениями и потенциальным развитием в будущем. С этой точки зрения культура должна рассматриваться как неотъемлемый элемент устойчивого развития государства, поскольку она представляет собой сложную систему, которая представляет собой «все общие продукты конкретного общества: его ценности, знания, нормы и материальные блага» [5; С. 3]. Она состоит из «нематериального» (знания, ценности, убеждения и социальные нормы) и «материального» (искусство, ремесла, одежда, жилища, инструменты и т.д.) аспектов общественного существования. Поскольку культура является продуктом жизни социума на протяжении многих лет, она является свидетельством творческого процесса и развития не только конкретных сообществ, а человечества в целом.

Нет сомнений, что культура — это нечто большее, чем просто прошлое. Она существует в современной повседневной жизни людей и поэтому является элементом, который вносит свой вклад в будущее. Будучи своеобразным образом жизни, культура вносит важный «вклад в способность общества поощрять самоуважение и расширение прав и возможностей». Она также наделяет национальной идентичностью общества на протяжении поколений.

Культурное разнообразие приобретает все большее значение в эпоху глобализации. «Специфика пространства — его характер, история, здания, культура и самобытность — становится все более важной в условиях растущей конкуренции на глобальном рынке, где пространственные и временные барьеры уменьшаются» [2; С. 4]. Не только самобытная история, традиции, нормы и характеры общества формируют локализованный образ жизни, но и модель развития, которая соответствует местным обычаям и общепринятой практике, способствует развитию. Кроме того, различные культуры имеют свои собственные ограничения, которые могут быть изменены путем межкультурного обмена, используя преимущества сокраще-

ния пространственного и временного расстояния между странами в связи с глобализацией. Как показано в работе А.М.Алексеева-Апраксина [1; С. 10-14] культурный обмен укрепляет взаимное уважение, диалог и равенство между различными обществами, которые сегодня крайне необходимы на международной арене.

Культура, охрана окружающей среды и экономическое развитие являются взаимодополняющими факторами. Это проявляется в общинах коренных народов, которые жили на своей территории и создали свою собственную культуру, историю, образ жизни и самобытность. Многие из этих территорий, таких как национальные парки и объекты Всемирного природного наследия, находятся под охраной. Такие прекрасные примеры природных ландшафтов обязаны своим существованием и сохранением специфическому образу жизни коренных народов, которые взаимодействуют с природными ресурсами их конкретных экосистем. Таким образом, коренные народы из поколения в поколение заселяли свои родные земли. Как следствие, они представляют некоренных защитников природы с бесценными «знаниями, опытом, моральными и эмоциональными обязательствами по сохранению» [7; С. 126], которые являются ценными для определения будущего человечества, включая экономическое развитие.

Охрана культурного наследия является одним из важнейших способов сохранения человеческого наследия. Объекты культурного наследия, в свою очередь, являются «драгоценными сокровищами» не только в силу их эстетических, научных, архитектурных и иных ценностей, но и в силу присутствующих им нематериальных культурных ценностей конкретного общества. Они являются частью культуры и переносят прошлое в настоящее и потенциально способствуют непрерывному развитию культуры, знаний и других аспектов. Таким образом, сохранение культурного наследия само по себе является развитием; и в то же время оно способствует устойчивому развитию человека. С другой стороны, неспособность сохранить культурное наследие является непоправимым регрессом, на что указывают резолюции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в ее заявлении о том, что исчезновение культурного наследия «будет непоправимой потерей для всех и каждого из нас» [10]. Любой ущерб или утрата культурного наследия наносят ущерб культурному разнообразию и преемственности. Таким образом, это является нарушением принципа устойчивого развития, особенно если разрушение осуществляется в интересах экономического роста.

В связи с неэффективным сохранением наследия в большинстве стран ЮНЕСКО в 1972 году приняла Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия. Ключевым элементом этой конвенции

является создание «Списка Всемирного наследия». Он включает в себя список мировых культурных и природных объектов исключительной ценности, который обновляется каждые два года. Конвенция также учреждает межправительственный комитет под названием Комитет всемирного наследия, а также Фонд Всемирного наследия для оказания международной финансовой помощи по сохранению наследия. Комитет несет ответственность за охрану объектов культурного и природного наследия, включенных в Список Всемирного наследия, с целью «обеспечить, чтобы будущие поколения могли унаследовать сокровища прошлого» [11]. Однако Комитет всемирного наследия признает, что большинство объектов в списке сталкиваются с различными угрозами. Хотя конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия относится к числу основных соглашений ООН в области устойчивого развития, она в значительной степени игнорируется многими странами. Она редко упоминается на публичных конференциях и дискуссиях по вопросам устойчивого развития.

Правомерным является вопрос о том, в какой степени китайское правительство привержено сохранению культуры и как оно обеспечивает всеобъемлющую правовую и политическую основу для обеспечения защиты и сохранения своего культурного наследия. Китай является одной из старейших стран в мире, и его правительство действительно берет на себя ответственность за сохранение наследия на политическом уровне. В соответствии со статьей 2 Закона Китайской Народной Республики Об охране культурного наследия *государство* должно охранять культурное наследие, имеющее историческую, художественную или научную ценность [4]. Вышеуказанный закон был принят и действует с 1982 года. Кроме того, в 1992 году были утверждены Правила осуществления закона Китайской Народной Республики Об охране культурного наследия. Эти два свода законов обеспечивают основополагающую правовую основу, регулирующую сохранение наследия в Китае.

Основными целями данного законодательства являются:

1. Усиление государственной охраны объектов культурного наследия;
2. Сохранение и предоставление возможности будущим поколениям унаследовать историко-культурное величие Китая;
3. Обеспечение воспитания патриотизма.
4. Формирование общества с развитой культурой и идеологией.

Управление по охране памятников древней культуры является институтом сохранения культурного наследия на национальном уровне, которое управляет, контролирует и руководит всей деятельностью, связанной с культурным наследием в соответствии с законом. Все уровни китайского

правительства несут ответственность за защиту памятников в пределах своей юрисдикции. Управление на всех уровнях специализируется на охране культурного наследия. Правительства на уровне провинций, префектур и округов, где существует относительно большое количество объектов культурного наследия, могут создавать департаменты для их охраны в пределах своей юрисдикции.

Культурное наследие Китая подразделяется на три категории в соответствии с их «исторической, научной и эстетической ценностью», а именно:

1. Объекты национального наследия;
2. Объекты провинциального наследия;
3. Объекты наследия на уровне провинций/городов.

Данные объекты наследия сообщаются в Государственный совет для целей записи. Национальные объекты наследия либо отбираются из числа зарегистрированных на уровне провинций/городов и провинциальных объектов наследия Нацгвардий, либо непосредственно идентифицируются и сообщаются Государственному Совету.

Получается, что объекты культурного наследия на уровне провинций/городов охраняются соответствующими местными правительствами. На практике понятие «национальный объект» наследия подразумевает, что он также является объектом провинциального наследия, а провинциальный объект наследия также является объектом наследия на уровне округа/города. Это означает, что окончательная ответственность за охрану объекта возлагается на соответствующее провинциальное/городское правительство, в котором находится объект, независимо от уровня его классификации. Уровень объекта культурного наследия указывает только на историческую, художественную или научную ценность культурного наследия, а не на степень защиты, которую получает культурная реликвия, или на субъект, обеспечивающий его защиту. Фактически, все объекты наследия на всех уровнях должны быть сохранены в соответствии с самыми высокими стандартами.

Помимо Закона Китайской Народной Республики Об охране культурного наследия, существуют другие законы и правила, касающиеся сохранения культурного наследия в Китае. Например, в уголовном законодательстве Китайской Народной Республики имеется раздел «преступления против контроля за культурным наследием». Он предусматривает наказание за умышленное повреждение или уничтожение культурного наследия на различных уровнях, незаконный вывоз культурного наследия, незаконные раскопки и разграбление археологических объектов, а также другие преступления.

Правовые положения, касающиеся охраны археологических памятников, можно также найти в гражданском законодательстве. Например, в статье 14 Закона О городском планировании Китайской Народной Республики предусматривается, что при городском планировании следует уделять внимание сохранению исторических и культурных объектов, местных объектов и природного ландшафта [3]. Статья 25 предусматривает, что подземное культурное наследие и исторические объекты должны быть защищены в ходе развития новых городских районов [3]. Дополнительные нормы содержатся в законе Китайской Народной Республики Об охране окружающей среды, общих принципах гражданского законодательства Китайской Народной Республики, законе Китайской Народной Республики о лесном хозяйстве и т.д.

Что касается экономической составляющей сохранения культурной памяти в Китае, то после «Культурной революции» лишь часть монастырей была сохранена в качестве достопримечательностей и передана в ведение департаментов по культуре, в них работали и обеспечивались многие госслужащие. Под руководством соответствующих департаментов в храмах, имеющих высокую историческую ценность, начали использовать экономическую модель «сбора билетов». В это время общество только-только пережило беспорядки и кризис «Культурной революции», поэтому уровень признания буддизма обществом был на очень низком уровне, самом низком в истории. Потеря верующих привело к тому, что храмы перестали полагаться на поддержку верующих, и выживания за счет проведения обрядов. Таким образом, финансовые ресурсы монахов стали главной проблемой.

С проведением правительством политики «Поддержки монахов», большинство монастырей также внедрили экономическую модель «получения билетов», для поддержания жизни монахов и состояния храма в целом. С тех пор экономика, построенная на продаже билетов, стала основной экономической моделью современных храмов, и также стало уникальным явлением в китайском обществе. С популяризацией «билетной экономики» китайские храмы начали коммерциализироваться. В дополнение к доходам от билетов, в ведомственных храмах также появился доход от пожертвований верующих, религиозной деятельности и от торговли. Наиболее распространенными видами деятельности в монастырях являются вегетарианские рестораны, подсвечники, статуи Будды, книги Священных Писаний и буддийские сувениры. Продажа дорогих билетов и дорогих благовоений вызвала большую критику в адрес буддизма и негодование в обществе. Низкое качество материалов дорогих благовоений также стали предметом споров, так как это влияло на загрязнение окружающей среды. Эти неразумные действия монастырей в средствах массовой информации и

обществе называли «чудовищным хаосом в монастырях», что оказало огромное давление и негативное влияние на развитие и распространение буддизма. В конечном итоге «Монастырский хаос» и «Коммерциализация храмов» из-за утраты традиционной экономической основы и его социального и культурного статуса, а также из-за отсутствия общественного признания буддизма, его жизненное пространство сильно сузилось [12; С. 15]. Кроме того, из-за нехватки талантов и природных качеств монахов буддийское сообщество пассивно реагировало на меры и видение реформ в эпоху быстрого экономического развития Китая, что привело к тому, что на него повлиял процесс коммерциализации в экономическую эпоху [12; С. 19]. Некоторые торговцы даже вкладывали средства в строительство монастырей и нанимали монахов для управления монастырями (феномен «профессиональных монахов») с целью получения огромных прибылей. Эти «ложные монастыри» и «ложные монахи» также кидали тент на имидж буддийской общины в обществе.

Стоит отметить, что после проведения политики «Открытых дверей» в 1978 году, некоторые монастыри в разных уголках Китая начали получать финансовую помощь от государства на восстановление. Государство также позволило буддистским монахам управлять развитием храма и продвижением буддизма на территории Китая. В 1983 году была издана директива ЦК КПК и Госсовета, в которой указывались монастыри, которые должны были управляться буддистскими и даосскими религиозными организациями под руководством местных департаментов по делам религии. Примечательно, что право собственности на монастыри оставалось за государством с целью сохранения культурного наследия Китая. Таким образом, впервые было документально подтверждено, что монастыри являются государственной собственностью, управляются религиозными организациями. Это также обеспечило политическую основу для создания отдела по сохранению памятников культуры, департамента лесного хозяйства, которые впоследствии приняли монастыри, захваченные до культурной революции под свое управление.

Одним из вышеуказанных монастырей является Дунлинь. Его отличительной особенностью является объединение местной китайской и буддистской культур. Храм был основан в 384 году н.э., став символом китайского буддизма, однако до 1978 года не принималось никаких мероприятий по его развитию и восстановлению. Только благодаря мастеру Го И храм Дунлинь стал первым восстановленным храмом в провинции Цзянси после политики реформ и открытости.

Зимой 1989 года храм Дунлинь вновь открыл свои ворота, в монахи было принято 250 монахов и монахинь из Аньхой, Хубэй, Сычуани и дру-

гих провинций. 28 февраля 1993 года был официально открыт «Буддийский колледж Цзянси», основанный храмом Дунлинь, который воспитал большое количество талантливых монахов и внес значительный вклад в культурное возрождение буддизма. Осенью того же года вновь в монахи было посвящено тысяча людей. В марте 1995 года мастер Чжуань Инь сформулировал «Конвенцию об управлении храмом Дунлинь в горах Луншань Шаньдуне», этот документ улучшил систему Цун Линь для управления современными монастырями [8; С. 14]. Также было выпущено несколько документов, которые совершенствовали эту конвенцию, и которым руководствовались монахи. После 2003 года, когда храмом управлял мастер Да Ань был стандартизирован процесс посвящения в монахи, верующих мирян.

Ввиду того, что в то время в Китае наблюдался упадок буддизма, Мастер Инь Гуан указал, что «есть три причины упадка буддизма: злоупотребление учениками, злоупотребление заповедями и чрезмерная забота о массах (имея в виду неограниченный доступ монахов к пребыванию в монастыре)» [9; С. 131]. После отмены системы Дуксун (монашеское свидетельство, которое давало освобождение от налогов и повинностей, временно продавалось правящими кругами за деньги) в династии Цин пострижение в монахи больше не управлялось государством, что приводило к серьезному снижению качества образования монахов. В то время, чтобы получить больше денег, монастыри собирали много учеников в своих стенах, что повышало статус монастыря, ради этого даже злоупотребляли правилами на пострижение. Система «Ши Фан Цун Линь» опустилась до системы наследования от учителя к ученику «Цзи Сунь Цун Линь». Согласно «Статистике буддийских монахов и монахинь по всей стране» в 1936 году, насчитывалось более 267 000 храмовых монастырей и храмов, в общей сложности 738 000 монахов и монахинь, в список не включены провинции Сычуань, Хэнань, Цзянси, Аньхой и Хунань. Более 90% из них бедные крестьяне, из которых более 80% неграмотны [6]. Таким образом, период Китайской Республики начался с создания буддийской академии и движения за принятия стандартов пострижения монахов, но из-за многолетних войн и социальных потрясений. Хотя было воспитано много талантливых монахов, в конечном итоге это не решило проблем сохранения культурного наследия. Согласно традиции буддизма, монахи являются основной его частью, а также его сторонниками и наследниками, поэтому о росте и падении буддизма следует судить по состоянию буддистской общины. Хаос внутри общины монахов и снижение уровня значимости буддийских монахов и способствуют понижению социального статуса, вплоть до полной потери веры общества в буддизм. Поэтому храм Дунлинь восстановил систему наследования и принятия в монахи, придерживался ста-

рых правил, и разработал различные законы для современного управления храмом. Создание университета буддизма придает большое значение воспитанию монахов и создает модель проповедования и кармы. Эта серия мер является решением трех причин упадка буддизма, предложенных наставником Инь Гуаном и является основой возрождения не только для самого храма Дунлинь, но и буддизма в Китае в целом. В современном Китае не только храм Дунлинь, но и многие другие храмы, такие как храм Бо Ли в Хэбэй и храм Линьяньшань в Сучжоу. Все они борются вместе за активное восстановление старой системы Цун Линь и за развитие и строительство современной буддийской культуры.

Дунлиньский храм, монахи которого занимаются проповедями, и который взял на себя роль социально-культурную роль, приобрел истинно верную экономическую модель, основанную на пожертвованиях от верующих, и это полностью соответствует первоначальному пониманию буддизма, когда монахи ведут духовную жизнь и получают поддержку от верующих. Потеряв доход от земельной ренты, которая была основой экономики древних храмов, Храм Дунлинь смог решительно устранить «билетную экономику», опухоль, ставящую под угрозу развитие буддизма, и успешно объединил методы оригинального буддизма, который опирался на поддержку своих последователей и традиционную китайскую систему управления монастырем Цун Линь. В то же время был предпринят ряд мер по распространению буддийской культуры, изучению буддийской культуры и принятию обязательств по социальному и культурному строительству, которые были направлены на развития буддийских общин и формирования добродетельного цикла «Что-то уходит, что-то приходит, но вместе образует целое дело». Он не только гарантировал экономическую деятельность буддийской общины, но и развивал дело буддийского культурного исследования, а также принимал на себя обязательства за социальное и культурное строительство, которое полностью адаптирует традиционный буддизм к современному обществу и будет служить современному обществу. Это тот пример успешного развития буддизма в потоке социальных и культурных преобразований. Но самое главное, что успешный случай перехода храма Дунлинь от «билетной экономики» в значительной степени способствовал процессу реформирования экономической модели буддизма, а собственная модель экономической деятельности храма Дунлинь также послужила моделью для реформирования и развития экономической системы в современном буддийском мире.

В настоящее время храм Дунлинь ведет свою деятельность по сохранению культурного наследия по следующим направлениям:

1. Текстуализация и оцифровка буддистской музыки.

2. Охрана буддистского искусства.
3. Охрана буддистской литературы и важных исторических документов.

Таким образом, сохранение культурного наследия в настоящее время является прерогативой каждого государства с точки зрения устойчивого развития. Передача знаний, ценностей и традиций будущим поколениям посредством храмов, памятников культуры представляет собой важное направление внутренней политики стран, в том числе и Китая, в котором прослеживается тенденция культурного возрождения, результатом чего являются нормативно-правовые акты, устанавливающие права и обязанности городов и провинций в сфере сохранения памятников культуры и культурного наследия в целом. В свою очередь, храм Дунлинь, который является символом китайского буддизма, стал катализатором религиозного просвещения современного Китая и примером для остальных религиозных храмов. Данный храм также способствовал общественному признанию буддизма, а также открытию буддистских школ, которые пользуются большой популярностью и завоевали хорошую репутацию среди буддистов. «Конвенцию об управлении храмом Дунлинь в горах Лушань Шаньдуне» стала основой для других храмов, которые также разработали свои модели управления для сохранения культурного наследия Китая. Создание университета буддизма придает большое значение воспитанию монахов и создает модель проповедования и кармы. Эта серия мер является решением трех причин упадка буддизма, предложенных наставником Инь Гуаном и является основой возрождения не только для самого храма Дунлинь, но и буддизма в Китае в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев-Апраксин А.М. Восток-Запад: опыт осмысления межкультурных контактов. Вопросы культурологии. 2010. №14. С. 10-14
2. Горелова Ю. Р. Актуализация культурного наследия как значимая задача культурной политики // Журнал Института Наследия. 2016. №4 (7). С. 1-7.
3. Закон Китайской Народной Республики «О городском планировании» // Информационно-аналитический портал «Бизнес в Китае». URL: <https://asia-business.ru/law/law3/building/> (дата обращения 11.03.2020).
4. Закон Китайской Народной Республики «Об охране культурного наследия» // Информационно-аналитический портал «Бизнес в Китае». URL: <https://asia-business.ru/law/law3/cultural/> (дата обращения 12.03.2020).
5. Сатхи А. Сохранение культурного наследия // Казанский вестник молодых учёных. 2019. №3 (11). С. 1-4.
6. Статистическая таблица новопосвященных буддийских монахов и монахинь китайского буддизма // Shadnongfojiao. URL: <http://www.shadnongfojiao.cn/zaixianfuwu/2017-09-01/874.html> (дата обращения 12.03.2020).

7. Шихирин В. В., Харькова Н. А., Урюпина Е. В. Охрана объектов культурного наследия в современном образовательном процессе // Молодой ученый. 2019. №7. С. 124-129.
8. Lancashire D. Buddhism in Modern China // Religion in Communist Lands. 2008. №5. P. 10-18.
9. Poceski M. Buddhism in Chinese History // Chinese Sociological Review. 2014. №11. P. 125-139.
10. Preserving our heritage // Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <https://en.unesco.org/content/preserving-our-heritage> (Дата посещения 10.03.2020).
11. The World Heritage Convention // Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <https://whc.unesco.org/en/convention/> (дата обращения 10.03.2020).
12. Zhe J. Chinese Buddhism as a Social Force // Chinese Sociological Review. 2012. №45. P. 8-26.

TRANSLIT

1. Alekseev-Apraksin A. M. East-West: experience of understanding intercultural contacts. Issues of cultural studies. 2010. No. 14. P. 10-14
2. Gorelova Yu. R. Aktualizaciya kul'turnogo naslediya kak znachimaya zadacha kul'turnoj politiki // Zhurnal Instituta Naslediya. 2016. №4 (7). P. 1-7.
3. Zakon Kitajskoj Narodnoj Respubliki «O gorodskom planirovanii» // Informacionno-analiticheskij portal «Biznes v Kitae». URL: <https://asia-business.ru/law/law3/building/> (data obrashcheniya 11.03.2020).
4. Zakon Kitajskoj Narodnoj Respubliki «Ob ohrane kul'turnogo naslediya» // Informacionno-analiticheskij portal «Biznes v Kitae». URL: <https://asia-business.ru/law/law3/cultural/> (data obrashcheniya 12.03.2020).
5. Sathi A. Sohranenie kul'turnogo naslediya // Kazanskij vestnik molodyh uchyonyh. 2019. №3 (11). P. 1-4.
6. Statisticheskaya tablica novoposvyashchennyh buddijskih monahov i monahin' kitajskogo buddizma // Shadongfojiao. URL: <http://www.shandongfojiao.cn/zaixianfuwu/2017-09-01/874.html> (data obrashcheniya 12.03.2020).
7. Shihirin V. V., Har'kova N. A., Uryupina E. V. Ohrana ob'ektov kul'turnogo naslediya v sovremennom obrazovatel'nom processe // Molodoj uchenyj. 2019. №7. P. 124-129.
8. Lancashire D. Buddhism in Modern China // Religion in Communist Lands. 2008. №5. P. 10-18.
9. Poceski M. Buddhism in Chinese History // Chinese Sociological Review. 2014. №11. P. 125-139.
10. Preserving our heritage // Oficial'nyj sajt UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/content/preserving-our-heritage> (Дата посещения 10.03.2020).
11. The World Heritage Convention // Oficial'nyj sajt UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/convention>. (дата обращения 10.03.2020).
12. Zhe J. Chinese Buddhism as a Social Force // Chinese Sociological Review. 2012. №45. P. 8-26.